

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

2017, Том 5, номер 4 (июль – август) <http://mir-nauki.com/vol5-4.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf>

Статья опубликована 08.09.2017

Ссылка для цитирования этой статьи:

Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1 // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 4 <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 159.9.072

Медведев Александр Михайлович

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Филиал в г. Волгоград, Россия, Волгоград¹
Доцент «Кафедры психологии»

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Россия, Москва
Институт системных проектов, лаборатория проектирования деятельности содержания образования
Старший научный сотрудник

Кандидат психологических наук

E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349

SCOPUS: <http://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=36802216800>

Мартиросян Карине Вардановна

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Филиал в г. Волгоград, Россия, Волгоград
Старший преподаватель кафедры «Психологии»

Магистр психологии

E-mail: marti-5@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=776492

Хачатрян Ани Юриковна

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Филиал в г. Волгоград, Россия, Волгоград

Магистрант

E-mail: an.khachatryan94@yandex.ru

**Хронотоп субъективной реальности как базовый
концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1**

Аннотация. Статья посвящена обоснованию базового концепта, который может служить средством проектирования этнопсихологического исследования, направленного на выявление этнокультурных медиаторов построения человеком этнической идентичности и субъективной этнокультурной картины мира. В качестве такого концепта рассматривается хронотоп субъективной реальности – временно-пространственно-смысловая организация субъективного мира человека. Выбор хронотопа в качестве базового концепта определяется возможностью применения категории этовость: в хронотопной организации субъективной реальности человека сочетаются всеобщее и уникально-единичное, родовое и индивидуальное.

¹ 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8 (главный корпус), к. 309

Этотость хронотопа позволяет исследовать родовое в индивидуальном, что принципиально важно при проектировании методик. В качестве характеристик хронотопа субъективной реальности, позволяющих определять его простоту или сложность, его причастность жизни этноса и человечества в целом, вводятся такие понятия как горизонт событий и мерность. Горизонт событий определяется как граница, отделяющая ту область реальности, в которую включен субъективный мир человека, границу того, о чем он мыслит и что он переживает. Мерность характеризует наличие относительно самостоятельных направлений-осей субъективной реальности: помимо временного, пространственного и мотивационно-потребностного измерений, наличие измерения смыслового, обеспечивающего рефлексивное отношение человека к своей жизни, ее содержанию, пространственно-временной и потребностно-мотивационной организации. В завершение рассматриваются основания организации действий механизма, организма и человека с обоснованием того, что активность человека не может быть полноценно представлена вне ее временно-пространственно-смысловой организации, т. е. без анализа ее хронотопа.

Ключевые слова: субъективная реальность; культурное опосредствование; всеобщее; единичное; этость; доминанта; хронотоп; горизонт событий; мерность; смысловое измерение; рефлексия; трансцендирование; индивид; личность; механизм; организм; человек; парадигма исследования

... Человек оказывается единственным из живых существ, которому дан мир как единое связанное целое, простирающееся в пространстве и времени за пределы наличной ситуации и при этом пред – лежащее или пред – стоящее субъекту, а не просто его окружающее.

Д. А. Леонтьев

Намерение

Предметом нашего рассмотрения будет концепт хронотопа, введенный А. А. Ухтомским [28]. Мы намерены применять его в контексте исследования этнического самосознания. Поскольку самосознание человека как представителя этноса несет в себе как общественно-родовое (этнокультурное), так и индивидуально-субъективное (личное), то необходим соответствующий исходный концепт, содержащий как родовое, так и единичное. Необходимость определяется тем, что в психологическом исследовании – в отличие от исследования социологического, этнологического, исторического – эмпирическая данность предстает *в виде репрезентаций индивидуального сознания*. Поэтому нужен понятийный аппарат исследования с разрешающими возможностями, позволяющими видеть всеобщее в индивидуальном сознании людей как представителей этноса в диапазоне от этноцентризма до проявлений предельной толерантности, индифферентности и своего рода алиби в отношении этнической принадлежности. Концепт хронотопа не единственная категория, могущая претендовать на роль базовой в таком исследовании. Ранее в исследовании, проведенном К. В. Мартиросян [15, 16, 17, 18] в качестве базовых концептов использовались концепт «суверенность психологического пространства» (СПП), предложенный Н. Н. Нартовой-Бочавер, и «временная перспектива» (ВП) (К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, Н. Н. Толстых). Но, как показало исследование, применение культурно-свободных методик, построенных на основе концептов СПП и ВП, не дает четких *содержательных* различий при сравнении этнических групп респондентов (хотя некоторые формальные статистические различия, конечно же, обнаруживаются), а также понимания того какие культурные опосредствования определяют субъективное этническое самосознание, а какие для него привходящи и случайны.

Оценивая результаты уже проведенной работы [15, 16, 17, 18, 19, 32] и проектируя новое исследование, мы соотнесли разрешающие возможности и релевантность концептов «временная перспектива», «суверенность психологического пространства» и «хронотоп» и соответствующих методик. В результате мы пришли к следующему заключению.

Во-первых, по признанию самих авторов теории временной перспективы [11, 21] и психологов, продолжающих ее исследование и совершенствующих методический аппарат [8, 27], отделение субъективного времени от субъективного пространства человека – акт формального абстрагирования, т. е. искусственная процедура выделения и экстрагирования психологического времени из пространственно-временного континуума самосознания человека для его (психологического времени) исследования «в чистом виде».

Во-вторых, события истории и события биографии имеют слитые воедино временное, пространственное и смысловое содержания, это единство и придает происходящему (произошедшему, грядущему) *статус события*. Мы полагаем, что изучение этнического самосознания это изучение субъективного переживания **событий**, а не хронологии как таковой и не субъективного пространства в его отдельности.

В-третьих, нигде в культурных, этнокультурных, семейно-родовых формах осмысления жизни – легендах, эпосе, сказаниях, семейных преданиях – время и пространство не подвергаются искусственному отделению друг от друга и аналитическому разделению на «кванты» (как, например, это предстает в форме дискретных «индукторов» в методике ММИ Ж. Нюттена [21]) и не делятся на секторы (как это представлено в методике изучения СПП С. К. Нартовой-Бочавер [20]). Напротив, эти формы кристаллизуют события, придавая им обобщенный смысл и эмоциональную окраску. Время, пространство и смысл в их синтетическом единстве и составляют хронотоп события. Образцом-прототипом могут служить библейские сюжеты и притчи.

Не сам по себе хронотоп, – это универсально-формальное «рамочное» понятие, – а оформленное им психологическое содержание субъективной реальности интересовало нас как в прежних работах [17, 18, 32], так и в этом исследовании.

В этом тексте (в этой первой части) мы приведем обоснование того, как концепт хронотопа позволяет рассматривать единство всеобще-родового и единично-индивидуального. Затем (во второй части) мы перейдем к обоснованию целесообразности и возможности применения концепта хронотопа в кросскультурном исследовании стереотипов и ориентировок индивидуального сознания, в завершение (в той же второй части) мы представим результаты исследований, проведенных с использованием методического приема, названного нами *культурной провокацией*. Суть приема в том, что респондентам предлагается избыточное для выполнения задания множество изображений (картинок) объектов, персон и событий, но при этом им (этим стимульным картинкам) не дается пространственно-временная прописка и не задается ни их смысловое значение, ни их культурный контекст. Объединение таких образов-стимулов в нечто целостное, упорядоченное и осмысленное – задача респондента, а отобранное содержание и форма его синтеза – эмпирические показатели для нас как исследователей.

Субъективная реальность и ее этовость

Выше мы отмечали, что не хронотоп сам по себе, а хронотоп субъективной реальности человека есть предмет нашего рассмотрения.

При несомненной общности анатомо-морфологических предпосылок, физиологических и психофизиологических механизмов восприятия окружающего мира и его осмысления люди всегда жили, живут и будут жить, выстраивая различные субъективные картины мира. Картины человеческой реальности претерпевают эволюционные и революционные изменения, это

представлено в истории культуры и человеческих цивилизаций. Но и люди одной исторической эпохи и граждане одной страны – современники и сограждане – живут в мирах, существенно отличающихся друг от друга своими границами, строением и содержанием, смысловой символикой и ценностными ориентирами.

Но если ограничиться констатацией того, что «все люди разные», то этот трюизм сразу лишит дальнейшие рассуждения всякой научности – наука это область знаний об общем и всеобщем и область упорядоченных методов анализа и обобщения. Если объект исследования – мировоззрение человека, а предмет – соотнесение мировоззрений людей из разных этнических групп и поиск принципиально общего и различительно-особенного, то для такого исследования необходим базовый концепт, сочетающий в себе общечеловеческое, и вариативное, общекультурное и этно-культурно-специфическое, обще-родовое и субъективно-индивидуальное, абстрактно-всеобщее и конкретно-единичное. Поиск и обоснование такого концепта необходимы по следующей причине: если нет объединяющего всеобщего и разделяющего единичного, несущего то же содержание, что и всеобщее, то нет оснований (даже чисто логических) ни для конфликта, ни для диалога; источник конфронтации, как и источник консолидации – *общее*, которое приходится делить (размежевывать) или разделять (соучаствовать и сопереживать). Таким *общим* могут быть история, территория, культурные традиции, историческая миссия нации и человечества в целом или утилитарный гедонизм общества потребления и глобализация; ценность традиционной семьи (семья – малая церковь), самодовлеющая значимость материнства и отцовства или либерально-толерантное признание возможности однополых браков с разрешением усыновления и воспитания детей и т. д.

Функция искомого концепта в контексте нашей исследовательской задачи – индивидуально-субъективная репрезентация образа мира – представленности общего для всех людей в индивидуально-единичном, того что есть у всех, но при этом у каждого – свое. По этому основанию ближайшее по содержанию и назначению понятие – «субъективная реальность» в том ее понимании, которое положено работами В. И. Слободчикова [24, 25, 26]. Согласно его теории, субъективная реальность «... есть наиболее абстрактное обозначение формы существования и общего принципа организации человеческой реальности...» [25, с. 5].

Для становления, существования, и развития субъективной реальности необходима определенная (буквально – **о-предел-енная** – полагающая пределы, границы, производящая **о-контур-ивание**) форма, придающая субъективной реальности ее **этовость** (лат. *haecceitas*), т. е. убедительно показывающая, что **она есть и что она именно такая**. Этовость – философская категория, введенная И. Д. Скóтом (1265-1308). Она обозначает способ существования единичностей, содержащих родовое начало, «т. е. “**этовостей**” (*haecceitates*), ограничивающих общую природу до “этой вот”, конкретной вещи» [5, с. 166]. В **этовости** соединяется всеобщность, универсальность понятия (категории) и единичная определенность содержания этого понятия (категории) в вещи, в индивиде, в сознании отдельного человека. В комментарии к тексту И. Д. Скóта «Трактат о первоначале» А. В. Апполонов пишет: «В этом ключе и следует понимать высказывание Шотландца (И. Д. Скóта – *Авторы*) о том, что видовая природа – просто природа, сама по себе ни универсальная, ни единичная. Она пребывает в потенции как к ограничению и определенности в индивиде, так и к неопределенности, и, соответственно, к полной универсальности, в понятии» [2, с. XXV]. Этовость – несомненная отчетливая представленность всеобщего в единичном. (В этнологии и этнопсихологии с этой категорией могут быть соотнесены образы реальных исторических персон, в которых представлены характеристики так называемой «базовой личности»).

По отношению к человеку и его индивидуальности диалектика всеобщего и единичного, по утверждению А. С. Арсеньева, может быть представлена следующим образом: «Чтобы *быть* неповторимо **единичным** (здесь и далее выделение и курсив по цитируемому изданию. –

Авторы), надо пройти весь путь *обособления*, в котором **особенное** осуществляется как неповторимо единичное проявление всеобщего. Но в таком случае действительное отношение между индивидом, индивидуальностью и личностью должно строиться по *генетическому* принципу, по принципу развития и сохранения *целостности* всех форм человеческой жизнедеятельности» [3, с. 24]. И далее: «В своем онтогенетическом развитии каждый из нас реализует общие (родовые) условия и единое (родовое) содержание данного процесса (процесса культурного развития. – *Авторы*). Но реализует в том особенном пространстве и в том неповторимом времени, в котором проходит его жизнь» [3, с. 25].

Завершая этот экскурс в философское понимание *этовости* и диалектики всеобщего и единичного применительно к субъективной реальности человека, приведем характеристику «единичного», данную Э. В. Ильенковым: «“Единичное” в философии понимается как абсолютно неповторимое, существующее именно в данной точке пространства и времени и отличающееся от любого другого “единичного”, а потому столь же бесконечное внутри себя, как и сами пространство и время. Полное описание единичной индивидуальности равнозначно поэтому “полному” описанию всей бесконечной совокупности единичных тел и “душ” в космосе» [9, с. 323].

Если принять, что субъективная реальность это и предельно абстрактная категория жизни человека и, одновременно, категория, соотносимая с его уникальной единичностью, *этовостью*, то следует определить *соответствующую форму ее существования*, в которой совмещалась бы предельно абстрактная ноуменальная всеобщность и предельно конкретная вплоть до единичности уникальность – *ее этовость*. Т. е., представить форму «упаковки» всеобщего в единичном. В контексте нашего исследования *эта форма должна быть соотносима с культурой и историей этноса и с конфигурацией индивидуальной жизни человека*.

Хронотоп

В качестве формы, «пребывающей в потенции как к ограничению и определенности в индивиде, так и к полной универсальности в понятии» (И. Д. Скотт и А. В. Апполонов), в которой «особенное осуществляется как неповторимо единичное проявление всеобщего» (А. С. Арсеньев) и в которой единичное «существует именно в данной точке пространства и времени» (Э. В. Ильенков), в качестве *формы этовости* субъективной реальности мы полагаем **хронотоп**. Хронотоп – временно-пространственное континуальное единство, вмещающее события субъективной реальности в их сопряжении с историческими событиями и связывающее их в субъективную картину мира общим смысловым радикалом.

Как мы отмечали вначале, термин «хронотоп» был впервые использован А. А. Ухтомским при построении его физиологической теории. «Камень преткновения: “время психологии” и “время физики” (Леруа). (Эдуард Леруа (1870-1954) – французский ученый и философ, представитель католического модернизма; математик, палеонтолог и антрополог. – *Авторы*). Хронос и часы. *Именно физиологии*, – полагает А. А. Ухтомский, – *предстоит спаять их воедино* (здесь и далее курсив наш. – *Авторы*). Человек – строитель знания и человек – участник истории – одно и то же существо. Наше знание о хронотопе всегда есть *пробный проект предстоящей конкретной реальности* по предваряющим признакам. Правда или ложь проекта решается конкретной проверкой» [28]. Такое видение миссии физиологии – особенность мировоззрения А. А. Ухтомского: у А. А. Ухтомского столь широкое понимание природы человека, что оно вполне вмещает субъективную реальность человека в целом – не только человеческую физиологию и психологию, но и мировоззрение и этику.

С тем конкретным видением миссии физиологии, и именно ее, которое представлено у А. А. Ухтомского («спаять воедино» время Вселенной и время человека), можно соглашаться или не соглашаться, но при этом несомненное принципиальное значение имеет тезис о том, что *на человеке* пересекаются субъективность образа мира как продукта его мышления и сознания и объективность мировой истории; у животного как особи нет биографической памяти, у животного как вида нет истории, точнее, ни история онтогенеза, ни история филогенеза *животному не принадлежат, не субъективируются, животное не находится в отношении к ним.*

Относительно простая и поэтому предсказуемая форма взаимодействия *внешнего и внутреннего, мира и человека*, конечно же, может быть представлена как рефлекторная, т. е. как физиологическая. Но сведение взаимодействия человека с миром к этой форме было бы редукцией. Поэтому А. А. Ухтомский вводит важное для понимания *уровневой* психологической организации человека предположение о том, что непосредственное (реактивное) и опосредствованное (разумное, рефлексивное, этическое) – имеют *различную хронотопную организацию – хронотопную, но различную.*

«Еще раз, возвращаясь к принципу наименьшего действия в поведении человека (с некоторым допустимым здесь упрощением под принципом наименьшего действия можно понимать выбор действия в направлении наименьшего сопротивления и самого короткого пути достижения цели. – *Авторы*), – пишет А. А. Ухтомский, – так часто можно слышать и чувствовать горький упрек: что ж, перед ним открыта дорога, все достижения перед ним, чего же он не идет, почему уклоняется и чего еще ждет? С точки зрения ближайших и контактных рецепторов, в самом деле, чего же ждать, когда перед вами путь наименьшего сопротивления, когда все дается в руки? Но вот высшие, эти *наиболее дальнзоркие в пространстве и времени (в хронотопе) этажи* (здесь и далее курсив наш. – *Авторы*) предупреждают: очень возможно, что этот путь наименьшего сопротивления *приведет к весьма большим бедствиям для того, кто тебе дороже всего*; они останавливают, тормозят, вступают, может быть, в весьма тяжелую борьбу, в конфликт с низшими центрами и, очевидно, далеко уклоняют поведение от пути наименьшего действия» [28]. Важной особенностью *человеческой* субъективной реальности выступает ориентация на весьма отдаленные события, которые могут быть запущены или спровоцированы действием, совершаемым «здесь и теперь». Причем эти события соотносятся субъектом (носителем *так* организованной субъективной реальности) с жизнью тех, «кто дороже всего», т. е. оцениваются в контуре жизни других (Своих-Других) людей.

На противоположном краю диапазона форм хронотопной организации жизни, там, где ориентация на тех, «кто дороже всего» не только отсутствует, но даже не предполагается, как не предполагается наличие какого-либо проекта будущего, логично представить существо, биологическим прототипом которого может служить паразитарная форма жизни (а также, например, сидячие полиповые формы и пр.) «Возьмем организм, фактически наиболее преуспевший на пути к наименьшему действию, – пишет А. А. Ухтомский о биологической форме паразитирования, – организм, получивший счастливую возможность производить минимум работы в окружающей среде. Какие примеры из биологии мы имеем? Прежде всего, это сидячие, паразитные формы. У них редуцирована высшая рецепторная система, сведены до минимума органы чувств и в связи с их сидячим поведением упрощена до крайности мышечная система, сокращена сфера рефлексов на среду, в известном смысле достигнута наибольшая изолированность от среды, расходуется и перерабатывается энергии несомненно меньше, чем у их родных братьев, перешедших от паразитной жизни к активному исканию вещей в среде» [28]. Психологическую форму паразитирования нетрудно представить по аналогии – это редукция потребностей и мотивов до исключительно витальных и гедонистических, неспособность к децентрации, алиби по отношению к проблемам, как

близких людей, так и человечества в целом, позиция, в которой утверждается простое отношение: «раз уж я есть, мир мне обязан и должен». Яркая психологическая характеристика такой формы существования и ее хронотопа дана в «Психологии переживания» Ф. Е. Василюка [6], в предложенной им типологии жизненных миров это «внешне легкий и внутренне простой жизненный мир». «Простота внутреннего мира, или отсутствие "сопряженности" между отдельными моментами внутреннего пространства-времени, – пишет Ф. Е. Василюк, – т. е. между реализацией отдельных отношений субъекта, делает последние абсолютно отстраненными друг от друга, полностью обособленными, совершенно слепыми по отношению друг к другу. Другими словами, простота (и тем более односоставность как один из ее вариантов) внутреннего мира означает безоглядную погруженность в реализуемое жизненное отношение, прикованность к данному месту хронотопа» [6].

Для такого жизненного мира хронотоп как форма существования дан, предзадан, *встроен в субъективную реальность*. Он не требует никакой работы по построению-собираению.

Полноценное, не редуцированное существование человека предполагает определенную работу по обеспечению его хронотопной собранности и как биологического индивида и как представителя человечества. «Живя, мы соборujemy сами с собой, – говорит П. А. Флоренский, – в пространстве и во времени, как целостный организм, собираемь воедино из отдельных взаимоисключающих элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. Подобно мы собираемь в семью, в род, в народ и т. д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [29, с. 286]. Таким образом, хронотопная организация (соборность, собранность) представлена и как форма организменного синтеза и как форма синтеза человеческого мира вне организма индивида – в пространстве его личности. Но «точки кристаллизации», «точки собирания» и средства синтезирования и обеспечения единства и целостности *применительно к организму и применительно к человеку – разные*. Поэтому у организма (индивида) и у человека (личности) разные границы, разные контуры, что четко определено Э. В. Ильенковым в очерке «В каком пространстве существует личность?» [9, с. 344-358]. Согласно Э. В. Ильенкову, личность существует не в теле индивида, а в социально-предметном (неорганическом) теле человека, составляющем ансамбль его отношений с другими людьми через культурные предметы и посредством знаково-символических систем [9, с. 344-345].

Хронотоп личности оформляет границу ее субъективной реальности – границу с тем миром, что *противо-*стоит субъекту и *со-*стоит в отношении к нему, обозначая горизонт событий, в котором человек может что-то менять по своему замыслу, а что-то вынужден принять как данность и неизбежность. Внутри этого горизонта для человека актуализируются три кантовских вопроса. («Все интересы моего разума (и спекулятивные и практические), – говорит И. Кант, – объединяются в следующих трех вопросах: 1. *Что я могу знать?* 2. *Что я должен делать?* 3. *На что я могу надеяться?*») [10, с. 471]). Внутри горизонта событий – то, к чему человек причастен и что доступно его осознанию и переживанию, вне горизонта, за его пределами – то, о чем человек *в данный момент* не имеет никаких представлений и гипотез. Говоря «*в данный момент*», мы подразумеваем, что все-таки в каком-то латентном виде такие гипотезы предполагаются, и они могут актуализироваться «*в другой момент*». Ведь если у человека вовсе нет гипотез о «потустороннем», «заграничном» и «запредельном» то у него нет и никакого представления о границе, о пределе. Хронотоп субъективной реальности одновременно сочетает в себе закрытость и ограниченность, самоотражение (в актах рефлексии) и открытость (в актах трансцендирования), смена этих состояний – особого рода переходный процесс. Этот переходный процесс может запускаться как снаружи, – интервенция и ответная реакция на интервенцию, – так и изнутри, – интуиция и предупреждающее предчувствие или попытка понять и освоить недоступную ранее реальность. (Напомним

фрагмент приведенной выше цитаты из А. А. Ухтомского – «наше знание о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предваряющим признакам»).

Горизонт событий

Выше мы уже использовали этот термин, остановимся подробнее на разъяснении того значения, которое мы ему придаем. Термин заимствован нами из физики – теории относительности и космологии, где он обозначает поверхность, за которой располагаются события не доступные для наблюдения, а также – поверхность-границу невозврата при описании свойств черных дыр. Перенеся термин в контекст психологического исследования, мы придали его содержанию иные характеристики, сохранив при этом основную (для чего нам этот термин и понадобился) – *ограничивать область* осознаваемых явлений и пространственно-временных координат событий, по отношению к которым возможны гипотезы, переживания и планирование человеком своих действий.

Горизонт событий – это подвижная граница хронотопа с переменной проницаемостью. Для человека как существа развивающегося «работа» с горизонтом событий совершается в режиме «рефлексия – трансцендирование». Как говорит А. С. Арсеньев, человек, чтобы оставаться человеком, должен превосходить самого себя [4], т. е. выходить за свои ограничения – осознавать их (рефлексия) и преодолевать (трансцендирование). Сам же «горизонт», его «мерность» и то как он рефлектируется (или не рефлектируется) человеком и преодолевается (или не преодолевается) – характеристики мировоззрения человека, его сознания, и они («горизонт» и его «мерность») могут быть основаниями его психологического личностного портрета, характеризуя его ограниченность и замкнутость или, напротив, широту и открытость; его ригидность или, напротив, креативность и гибкость; его приверженность стереотипам обыденного сознания или, напротив, рефлексивность и критичность.

Отказ от трансцендирования или потеря опосредствующих его ресурсов приводят к коллапсу личности, к ее «уплощению», и тогда «... личность умирает заживо: незаметно для себя она... превращается медленно или быстро в набор... шаблонов, лишь слегка варьируемых в незначительных деталях» [9, с. 357]. Вместе со стереотипизацией и клишезированием содержания субъективной реальности происходит стагнация границы и уменьшение ее проницаемости, фиксация горизонта событий, что превращает хронотоп субъективной реальности в косное омертвевшее образование, оторванное от хронотопа внешнего мира.

Функция горизонта событий – обеспечение этовости хронотопа субъективной реальности, ее автономии и, одновременно, обеспечение динамики границ в режиме «рефлексия – трансцендирование».

Мерность хронотопа субъективной реальности

Вводя в качестве характеристики хронотопа субъективной реальности его мерность, – число и качество его измерений, – мы хотим тем самым получить критерий рефлексивности. Для актуализации рефлексивного отношения нужна *внеаходимость* – выход в такое измерение, из которого жизнь может быть представлена как отдельная, отделенная от живущего реальность, что позволяет не сливаться с ней, а соотноситься. (Для того чтобы «встать в отношение» нужно «место», на которое можно «встать» – плоскость, ось, какое-то иное по отношению к обыденности измерение).

Для объяснения того, что мы понимаем под «мерностью хронотопа субъективной реальности», обратимся к размышлениям М. К. Мамардашвили и Г. Маркузе.

«Представим себе, ... – говорит М. К. Мамардашвили, – что есть плоскость, на которой живут одноплоскостные существа. Они движутся по этой плоскости и ведут себя так, что мера, посредством которой они измеряют свое движение к некой точке X, сама сокращается по мере их движения. Но поскольку она сокращается и существа сами сокращаются, то они никогда этой точки не достигнут. Замените здесь точку словом “реальность” – приблизятся ли они тогда к этой реальности? Очевидно, нет» [13, с. 15].

«И Пуанкаре (Жюль Анри́ Пуанкаре́ (1854-1912) – французский математик, физик, астроном и философ – *Авторы*) замечает, – говорит далее М. К. Мамардашвили, – что одному умному человеку пришла в голову мысль, он сказал: простите, но это же одно измерение, а... есть же и другие измерения – посмотрим иначе» [там же].

Подхватывая метафору Ж. А. Пуанкаре и М. К. Мамардашвили, – геометризированный образ «одноплоскостного существа», – усилим это представление, сведя двухмерность плоскости к одномерности линии, когда направление лишь одно. Тогда это будет «одномерный человек» Г. Маркузе.

Одномерный индивид, согласно концепции Г. Маркузе, – порождение одномерного общества, в котором преобладает такое массовое сознание и такая жизненная философия, которая *не предполагает рефлексии, диалектики, критического мышления как такового*, т. е. *не предполагает самой возможности иных измерений*, того, что в приведенном выше размышлении М. К. Мамардашвили определялось предложением «посмотреть иначе». Соответствующего «места», оси, ракурса **попросту нет!** Все явления и события воспринимаются как рядоположенные и последовательные и не требуют обоснования ввиду своей «очевидности». На ту же ось очевидного оказывается нанизанной и семантика языка, которым пользуется и в котором выражает себя одномерное сознание. Оно оперирует вырожденными, редуцированными языковыми формами. Редукция значений и обеднение языка закрывают возможность диалектики (др. – греч. *διαλεκτική*) как, буквально, разноречия, разномыслия (*δια* – разное, *λεκτική* – речь). «Его (одномерного общества. – *Авторы*) рекламные агенты, – пишет Г. Маркузе в книге “Одномерный человек”, – формируют универсум коммуникации, в котором выражает себя одномерное поведение, а его язык служит свидетельством процессов идентификации, унификации, систематического развития положительного мышления и образа действий («положительного» в смысле утверждающего и констатирующего, но не сомневающегося и не критикующего; «мыслить позитивно» – привычный слоган, закрепляющий такой тип мышления. – *Авторы*), а также сосредоточенной атаки на трансцендирующие, критические понятия. В преобладающих формах общения становится все более очевидным контраст между двухмерными, диалектическими формами мышления и технологическим поведением или “социальной привычкой мышления”» [14, с. 112].

Поскольку носитель такого сознания чужд диалектике, он не может воспринимать явления в их генезисе, взаимообусловленности, противоречивости и взаимопереходах. Для него окружающий мир это непосредственная данность, которую он воспринимает и в которой он действует, точнее, *ведет себя (действие предполагает субъективно определяемую цель, поведение – внешний стимул; сленговое «повелся» достаточно точно отражает этот феномен)*. Для такого сознания не существует никакой метафизики, никаких тайн, ничего сакрального. Для такого сознания непонятны диалектические переходы чего-либо в «свое иное» и уж тем более – в свою противоположность. Такое сознание не обременено рефлексией (нет иного измерения, неоткуда «посмотреть иначе»), для его носителя все очевидно, т. е. буквально – *видно очами*, глазами, сущность и перцептивный образ неразличимы. Для такого сознания все предметы «подписаны» – *у всего есть название, утилитарная функция, потребительная стоимость и цена*. Этовость одномерной субъективной реальности соотносится не со

всеобщим, а с общим для всех («все как у людей») – со стереотипным, клишезированным. Такие *псевдоэтовости* – попросту растиражированные, «клонированные» клише массового сознания.

У самого Г. Маркузе такое мышление определяется следующим образом: «В формах выражения этих привычек мышления *идет на убыль напряжение между видимостью и реальностью, фактом и его движущей силой, субстанцией и атрибутом* (курсив по цитируемому изданию – *Авторы*). Элементы автономии, творческой инициативы и критики отступают перед знаком, утверждением и имитацией. Язык и речь наполняются магическими, авторитарными и ритуальными элементами, а дискурс постепенно утрачивает связи, отражающие этапы процесса познания и познавательной оценки. Функция понятий состоит в понимании и, следовательно, трансцендировании фактов. Однако теперь, когда они утрачивают аутентичную лингвистическую репрезентацию, язык обнаруживает устойчивую тенденцию к выражению непосредственного тождества причины и факта, истины и принятой истины, сущности и существования, вещи и ее функции» [14, с. 112]. И в завершение характеристики одномерного сознания и его языкового опосредствования: «Сведение понятия до фиксированного образа, задерживание развития посредством самоуверяющих, гипнотических формул, невосприимчивость к противоречию, отождествление вещи (или человека) с ее (его) функцией – таковы тенденции, обнаруживающие одномерное сознание в том языке, на котором оно говорит» [14, с. 126].

В привлеченных нами текстах М. К. Мамардашвили и Г. Маркузе «плоскостность» и «одномерность», конечно же, не следует понимать буквально. Ведь у «одномерного человека» Г. Маркузе нет искажений перцепции – он адекватно воспринимает трехмерное пространство и время как прошлое-настоящее-будущее – это полноценный индивид по критериям восприятия и интеллекта. Одномерность относится не к психофизиологии его когнитивного аппарата, не к индивидуальной форме его существования, а к личностной – к мотивационно-потребностному и ценностно-смысловому измерениям, которые в данном случае совпадают: смысл существования «одномерного человека» состоит в удовлетворении потребностей, смысл и потребность связаны знаком тождества, нанизаны на одну ось, лежат в одном измерении.

Итак, мы определили *вырожденную, редуцированную* форму субъективной реальности – это рядоположенность потребностей, мотивов и смыслов при редукции последних к первым, это самодовление доминанты, претендующей на универсальную монологичную личную теорию, теорию без диалектики. Временная составляющая такого хронотопа – однонаправленная стрела времени, нацеленная в будущее и предполагающая ежемоментное снятие и отмену прошлого. При этом надо заметить, что это именно **вырожденная, а не врожденная**, не исходная форма хронотопа человека, не с нее начинается его развитие. С момента рождения человек находится в хронотопе контактов с близкими людьми – в той психологической оболочке, которую Л. С. Выготский определял как «пра-мы». («... Основное новообразование младенческого возраста может быть лучше всего обозначено с помощью термина, введенного в немецкой литературе для названия изначально возникающей психической общности младенца и матери, общности, которая служит исходным пунктом дальнейшего развития сознания. Первое, что возникает в сознании младенца, может быть названо ближе и точнее всего, как “Ur-wir”, т. е. “пра-мы”. Это первоначальное сознание психической общности, которое предшествует возникновению сознания собственной личности...» [7, с. 305]).

Эта исходная со-бытийная общность, по определению В. И. Слободчикова и Г. А. Цукерман [26], есть «место зачатия, вынашивания и рождения» культурных человеческих способностей, в том числе и рефлексии, источником которой для новорожденного и младенца становится близкий взрослый, а затем, в процессе взросления – Значимые-Другие. Они вступают в диалог с растущим человеком и тем самым позволяют, а иногда заставляют

«посмотреть иначе». Значимые-Другие привносят в субъективный хронотоп взрослеющего человека свои ракурсы и измерения и тем самым дают поводы и средства для рефлексии и расширения границ субъективной реальности. «И если человек не попадает в определенную общность или выпадает из нее, – пишут В. И. Слободчиков и Г. А. Цукерман, – то у него *не складывается или оказывается травмированным какой-то орган, связующий его с миром людей, с культурой, а потому не складываются и соответствующие способности, развитие которых, по сути, и обеспечивается через данный канал* (курсив наш. – Авторы)» [26, с. 40].

Поэтому «одномерность» или «одноплоскостность» – не исходное качество, а приобретенное в обстоятельствах совершенно определенного типа развития – например, ориентированного на утилитарно-вещные образцы общества потребления при отсутствии посредников, вводящих в области религиозного, этического, эстетического, этнического, философского и научного мировоззрения. Причиной искажения и травмы «органа, связующего с миром людей» могут и активные действия посредников, проповедующих идеи глобализма, тотальной толерантности или, напротив, расовой исключительности, религиозной ортодоксии и нетерпимости.

Невырожденная, полноценная мерность человеческого хронотопа предполагает, что смысловое измерение *не совпадает* (хотя и соотносится) как с перцептивно-когнитивным (пространственным и временным), так и с потребностно-мотивационным. Несовпадение и возможность устанавливать отношения «сущность – существование» и «смысл – мотив», в отличие от их совпадения и слитности в хронотопе «одномерного человека», исходно определяются представленностью в сознании «полномерного человека» позиции Значимого-Другого, позволяющей (или заставляющей) «посмотреть иначе» (М. К. Мамардашвили и Ж. А. Пуанкаре). В «Научных дневниках» Д. Б. Эльконина находим следующее замечание: «**18.8.1977.** Человек всегда *два человека*. Это начинается очень рано, в чем и все дело. Это человек и его *super ego* (Фрейд что-то угадал); человек и его совесть и т. п. (Достоевский, Толстой и многие другие писатели)... Может быть именно поэтому *со-знание?*» [33, с. 511]). Полноценное сознание человека, «не свихнувшегося» в одномерный гедонизм общества потребления и мир глобализации и унификации, сохраняет исходный, заданный в первичном «Ur-wir» (Л. С. Выготский) и в последующих «со-бытийных общностях» (В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман) потенциал диалогизма.

Смысловое измерение

Как мы уже отмечали, смысловое измерение позволяет человеку быть рефлексивным – строить **отношение** к своей жизни, к ее обстоятельствам и к другим людям, т. е. быть личностью (в том понимании личности как «ансамбля отношений»), которое мы приводили выше, цитируя Э. В. Ильенкова). Именно отношение к своей жизни и к самому себе характеризует человека как субъекта и как личность, что представлено в следующем сравнении человека и животного, предложенном В. Франклом: «Животное не является личностью, потому что оно не может встать над самим собой, противостоять самому себе. Поэтому для животного не существует и мир, противостоящий личности; для него существует лишь среда» [34, с. 116].

Хронотоп человека отличается от хронотопа высших животных, обладающих интеллектом, сложным социальным поведением и системами знаковой коммуникации (от высших приматов, например) именно этим смысловым измерением, отслоившимся не только от временного и пространственного измерений, но и от потребностного измерения. Это измерение, *конституирующее хронотоп субъективной реальности человека*, превращает время в историю, среду обитания в человеческий мир, потребность в мотив, в цель, в проект, относящийся как к миру, так и к самому себе. В «Образе мира» А. Н. Леонтьева [12] смысловое

измерение представлено как «пятое квазиизмерение» человеческого хронотопа: «Значения... несут в себе особую мерность. *Это мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира.* Она и есть пятое квазиизмерение его!» [12, с. 254].

Отметим, что подсчет «осей координат» – четыре их или пять в хронотопе образа мира, для нас не имеет принципиального значения, поскольку можно использовать метафору «три цвета времени» [22] и тогда смысловая ось станет седьмой, а можно, что мы уже начали делать, и намерены придерживаться этого далее, ограничиться временным, пространственным, потребностно-мотивационным и смысловым измерениями. Обратим внимание не на количественную, а на содержательную сторону: смысловое измерение – это «мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира». Значит, это измерение позволяет, если использовать формулу Д. Б. Эльконина («На предмете не написан человеческий способ его употребления» [33, с. 502]), видеть «не написанные на предмете» внутренние, конституирующие реальность, но непосредственно не простирающиеся на ее поверхности, внутрисистемные связи и отношения. Его наличие в хронотопе позволяет *понимать и субъективировать природу*, превращая среду обитания в мир сознательной жизни человека (что не понимаемо, то невозможно субъективировать – оно за горизонтом событий субъективной реальности).

Это можно понимать так, что природа, оформленная человеком в соответствии с его субъективным хронотопом, только так, и не иначе, становится для него предметом созерцания и активного преобразования, материалом и средством, инструментом его «неорганического тела» (К. Маркс, Э. В. Ильенков). Выше мы приводили фразу А. А. Ухтомского: «Камень преткновения: “время психологии” и “время физики”... Хронос и часы». В описании природы Э. В. Ильенковым звездное небо, превращаемое человеком в компас и календарь, по сути, и есть превращение Хроноса в часы – в функциональный орган человека, в котором сходятся и синтезируются «время физики» и «время психологии».

Яркую смысловую хронотопную картину созерцания с акцентами пространственного и временного в общем смысловом контексте находим у П. А. Флоренского. В посвященных детям воспоминаниях он представил картину ландшафта, точнее его вертикального сечения, которую он в своем детстве наблюдал в Аджарии. Нам эта картина кажется чрезвычайно интересной – в ней ноуменальная хронотопическая форма наполнена таким феноменальным содержанием, что хронотоп буквально **является**, предстает и как образ восприятия, и как осмысливаемая и переживаемая «этовость».

«1923.IV.21. Столбчатая отдельность базальтов проявляла мне, как я чувствовал, внутреннее строение скал и перекликалась с моими любимыми кристаллами («кристалл в его бесконечном покое» как образ мира ученого уже встречался нам в цитированном выше тексте А. А. Ухтомского, но только в ироническом ключе. – *Авторы*), – пишет П. А. Флоренский. – Когда не удавалось добраться до строения и какой-либо материал стоял пред глазами слитной массой, *чувствовалась стена, отделяющая от природы, каменная стена тайны* (здесь и далее курсив наш, заметим, что образ «стены тайны» соотносим с тем, что мы называем «горизонт событий». – *Авторы*). Напротив, всевозможные отдельности, слоистости, порядок и ритм *показывали доверие природы и радовали – не рациональностью, ибо что ж тут рационального, когда их самих нужно объяснять, а именно доверием, открытым пульсом жизни природы.* На Аджарском шоссе я с детства *приучился видеть землю не только с поверхности, а и в разрезе, даже преимущественно в разрезе, и потому на самое время смотрел сбоку...* Эти напластования горных пород и отдельности, эти слои почвы, постепенно меняющиеся, пронизанные корнями, этот слой дерновины, их покрывающей, кусты и деревья над ними – я узнал о них не из геологических атласов, а из разрезов и обнажений в природе, к которым привык, как к родным. *В строении моего восприятия план представляется внутренне далеким,*

а поперечный разрез – близким; одновременность говорит и склонна распасться на отдельные группы предметов, последовательно обзораемые, тогда как последовательность – это мой способ мышления, причем она воспринимается как одновременная. Четвертая координата – времени – стала настолько живой, что время утратило свой характер дурной бесконечности, сделалось уютным и замкнутым, приблизилось к вечности. Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали» [30].

В этой ётовости (в данном случае тавтология уместна) происходит «встреча» объективного – геология – куда уж объективнее и объектнее – мертвые базальты – и исключительно субъективного восприятия времени как живого времени – *«четвертая координата – времени – стала настолько живой, что время утратило свой характер дурной бесконечности...»* – сказано П. А. Флоренским в приведенном выше фрагменте. И в этом смысле «любимые кристаллы» П. А. Флоренского отличаются от «кристалла в бесконечном покое» как образа субъективной реальности кабинетного ученого в примере, иллюстрирующем действие доминанты, у А. А. Ухтомского.

Заметим, что для одномерного вещно-утилитарного сознания эта причудливая картина базальтов неинтересна и бесполезна (пока в ней не покажутся кимберлитовые трубки, да и то, если носитель одномерного сознания знает что это такое). Она понятна только *из смыслового измерения*, представленного в той его ётовости, которая принадлежит П. А. Флоренскому. Если же это вселенское измерение (в его научном, философском, этическом, эстетическом или религиозном оформлении) отсутствует или редуцировано, то из одной точки видно лишь другую соразмерную с ней точку или их плоскую конфигурацию.

Вместо итога: хронотоп как основание выбора парадигмы исследования

Мы полагаем, что хронотоп, точнее ориентация на него как метасредство исследования, или установка, позволяющая обходиться без такого опосредствования, может служить критерием выбора парадигмы исследования.

Для различения парадигм введем триаду **«механизм – организм – человек»**.

Механизм

Механистическая парадигма, сохраняющаяся в психологии, *не предполагает использование этого концепта.*

Для нее характерно:

- ориентация на причинно-следственный внешний детерминизм, обоснованный в XVIII веке Пьером Лапласом (Пьер Симон маркиз де Лаплас, 1749-1827, французский астроном, математик и физик); предполагается, что у изучаемого объекта нет внутренних спонтанных детерминант, он точка приложения внешних воздействий (у механизма нет, и не может быть потребностей и мотивов);
- ориентация на элементарно-структурный анализ, задача которого состоит в том, чтобы представить изучаемый объект как структуру взаимосвязанных элементов, изучая сами элементы и свойства связей между ними; при этом (в психологии) установление корреляционных связей заменяет необходимость анализа самой природы связей и зависимостей;

- ориентация на объективность научного знания, которая обеспечивается особой позицией исследователя, в своей предельной форме, представляющей позицию «стороннего наблюдателя», обеспечивающую «алиби» по отношению к изучаемой реальности.

Константность свойств элементов объекта изучения и вынесение вовне действующих на него сил в психологии превращается в модель неизменных природных задатков и воздействующих извне социальных условий. Конечно же, современная психология давно отошла от ортодоксального понимания отношения «индивид – среда», «врожденное – приобретенное» которое было характерно для теорий классического ассоцианизма (Д. Гартли) и классического бихевиоризма (Дж. Уотсон). Но этот «отход» часто происходил и происходит в плоскости тех же методологических установок, когда предметом изучения становятся отношения «личностные черты – ситуация» и т. п. «Следует отметить, что контroversа “черта/ситуация”, – пишут А. Анастаси и С. Урбина, – связана с уже знакомой нам проблемой соотношения наследственности и среды ... Факторы наследственности, вероятно, проявляются в относительно устойчивых индивидуальных чертах, которые тем не менее могут включать и такую черту, как приспособляемость к ситуационным требованиям. Средовые факторы могут вносить вклад как в ситуационную изменчивость (специфичность), так и в устойчивость черты, поскольку сама среда индивидуума может демонстрировать временное и ситуационное постоянство» [1, с. 415]. А далее предлагается единственно возможное в границах классической методологии улучшение исследовательского подхода: «Соответствующие экспериментальные планы с повторными измерениями, проводимыми через определенные промежутки времени (продольно) и в различных ситуациях (поперечно), должны улучшить наше понимание обеих проблем» [там же, с. 415-416].

В определенной мере концепт хронотопа релевантен сложным механизмам с искусственным интеллектом. Их временно-пространственная ориентация определяется сенсорными системами и процессорами. Но алгоритм хронотопа привнесен извне и «вшит», встроен в качестве программного устройства и программного обеспечения. И сколь бы ни были они совершенны, смысловое измерение и связанные с ним противоречия, диалектика отношений к реальности (отчаяние, надежда, совесть, проблема выбора при понимании его необратимости...) не предполагаются.

Организм

Если предмет изучения – *живая органическая система, организм*, то применение к нему причинно-следственного детерминизма и элементарно-структурного подхода сразу же ведет к значительной редукции: к применению по отношению к организму модели механизма.

В отличие от механизма:

- организм рождается сразу и целиком и начинает автономно жить с момента своего рождения. Это означает, что никаких элементов и «частей», предшествующих «сборке» и объединению в структуры, как это происходит в случае механического агрегата, здесь не наблюдается. Наоборот, включаясь в обменные процессы, организм строит себя сам, в себе самом неся программу самостроительства – проект самого себя;
- в момент рождения организм «включает» свой собственный ритм, обеспечивающий и поддерживающий цикличность жизненных процессов, т. е. он не только пребывает во времени, но и несет *свое время в себе*, сопрягая его с временами и ритмами окружающего мира (например, время сна и бодрствования

- с суточным циклом смены дня и ночи); если это организм, у него есть свое время, свой **хронос**, сопрягаемый с хроносом той системы, в которую он включен;
- в начале своей жизни и в качестве ее важнейшего условия организм выстраивает границу внешнее/внутреннее и тем самым поляризует среду и упорядочивает ее, *делая средой обитания*, жизнедеятельности и своего развития (что отличает ее от пустого однородного и изотропного пространства ньютоновой механики); у организма есть свое пространство, свой **топос**, сопрягаемый им с **топосом** той системы, в которую он включен;
 - детерминация поведения организма не может быть сведена к причинно-следственной, у организма есть образ будущего, у него есть ближняя и дальняя перспектива, психологические определяемые потребностно-мотивационным измерением.

Таким образом, принципиальное отличие организма от механизма состоит в **наличии собственного хронотопа**: время предстает в форме собственного жизненного цикла и живых ритмов, пространство – в форме среды обитания, вместо внешней причинно-следственной детерминации – внутренняя (точнее, пограничная – на линии горизонта событий) потребностно-мотивационная самодетерминация.

Человек

У человека хронотоп не наличествует «от природы», а строится, перестраивается, разрушается и воссоздается за счет искусственных культурных медиаторов. У человека он многослоен: в нем динамично переплетаются этнические, религиозные, государственно-гражданские, экономические, семейные и гендерные слои (достаточно посмотреть на хронологию праздников и торжеств).

У человека особая роль принадлежит смысловому измерению. Принципиальное отличие хронотопа человека от хронотопа других живых существ, включая высших животных, состоит в том, что смысловое измерение отделено от временного, пространственного и от потребностно-мотивационного. Это позволяет человеку строить и перестраивать потребности и мотивы, переосмысливать время и пространство, человек намеренно или непроизвольно и спонтанно (инсайт) преобразует хронотоп своей субъективной реальности в актах рефлексии-трансцендирования. Смыслы, отделяясь от потребностей, вступают с ними в отношение, делают сами потребности предметом преобразования. Строятся и перестраиваются концепции истории и мирового порядка, события истории то включаются в пространство актуального сознания, то вытесняются за горизонт событий, непреднамеренно или произвольно стираясь из области рефлексивного сознания.

Как уже отмечалось, в отличие от механизма и в отличие от организма, человек устроен так, что хронотоп его существования не встроен в него, а строится и перестраивается им самим. Поэтому А. А. Ухтомский, С. Л. Рубинштейн, Э. Фромм определяют форму существования-осуществления человека как **проект**, синтезирующий время, пространство, мотивы и смысл. Обсуждая проблему детерминированности и свободы человеческого существования, С. Л. Рубинштейн отмечает следующее: «Человек есть существо, имеющее “проект”. “Проект” он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает, сам из себя что-то делает; отсюда его сущность – свобода» [23, с. 374]. Э. Фромм обращает внимание на открытость и принципиальную незавершенность проекта: «Я никогда не бывает полным... Реализуется только часть человеческих возможностей. Человек всегда умирает прежде, чем успевает полностью родиться» [31, с. 320].

Полагаем, что приведенная характеристика хронотопа субъективной реальности и обоснование применимости этого концепта к изучению индивидуального сознания и самосознания человека, достаточно убедительны, чтобы сделать его базовой категорией этнопсихологического и кросскультурного исследования этнического самосознания. Во второй части будет представлена его конкретизация применительно к этнопсихологической проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. – СПб.: Питер, 2001. – 688 с. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Апполонов А. В. Иоанн Дунс Скот и его философская теология // Блаженный Иоанн Дунс Скот. Трактат о первоначале / Перевод, вступительная статья и комментарии А. В. Апполонова. – М.: Издательство Францисканцев, 2001. – С. V – XXXVI.
3. Арсеньев А. С. Эмпирическое и диалектическое понимание личности // Философско-психологические проблемы развития образования / Под. Ред. В. В. Давыдова. – М.: ИНТОР, 1994. – С. 22-34.
4. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 592 с.
5. Блаженный Иоанн Дунс Скот. Трактат о первоначале / Перевод, вступительная статья и комментарии А. В. Апполонова. – М.: Издательство Францисканцев, 2001. – 182 с.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psi.ucp.by/Files/Library/Vasilyuk_F.E._Psihologiya_perezzhivaniya.pdf.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
8. Головаха, Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – 2-е изд., испр. и дополн. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
9. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под общ. Ред. Р. И. Косолапова. – М.: Политиздат, 1984. – С. 321-358.
10. Кант И. Критика чистого разума / Перевод с немецкого Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
11. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
12. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М. Педагогика, 1983. – С. 251-261.
13. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении / Из курса лекций, прочитанных в 1986 – 1987 гг. в Тбилисском университете // «Мысль изреченная...»: Сборник научных статей. – М.: Изд-во Российского открытого университета, 1991. – С. 13-50.
14. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
15. Мартиросян К. В. Сопоставительный анализ формальных характеристик временной перспективы в русской и армянской выборках // Фундаментальные исследования № 12 (часть 7) 2014; URL: – <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36405>.
16. Мартиросян К. В. Этнспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6; URL: <http://science-education.ru/120-16262>.

17. Мартиросян К. В. Субъективная реальность хронотопа самосознания в его индивидуальной и этнокультурной проекциях: подход к исследованию // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 1; URL: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN117.pdf>.
18. Медведев А. М., Мартиросян К. В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, №2 (2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/07PVN215.
19. Медведев А. М., Шокина Е. В. Хронотоп как схема понимания развития личности // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 166-171.
20. Нартова-Бачавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
21. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
22. Остапенко А. А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и ... «понарошечного» // Культурно-историческая психология. 2010, № 1. – С. 2-6.
23. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с. – (Серия «Мастера психологии»).
24. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. 1986, № 6. – С. 14-22.
25. Слободчиков В. И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе (психологические основы проектирования образования): Автореферат... доктора психол. наук. – М.: ПИ РАО, ИПИ РАО, 1994. – 78 с.
26. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация психического развития // Вопросы психологии. 1996, № 5. – С. 38-50.
27. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: автореф. дис. д-ра психол. наук 19.00.05. – М., 2010. – 54 с.
28. Ухтомский А. А. Доминанта. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://alterozoom.com/en/documents/26054.html>.
29. Флоренский П. А. Сочинения. Том 2. У водоразделов мысли. – М.: Издательство «Правда», 1990. – 448 с. – (Приложение к журналу «Вопросы философии». Серия «Из истории отечественной философской мысли»).
30. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iknigi.net/avtor-pavel-florenskiy/63683-detyam-moim-vozpominaniya-proshlyh-let-pavel-florenskiy/read/page-7.html>.
31. Фромм Э. Человек для себя: Исследование психологических проблем этики. – Минск: Коллегиум, 1992. – 253 с.
32. Хачатрян А. Ю. Техника культурного опосредствования в исследовании пространственной составляющей этнохронотопа // Культурно-историческая психология: от научной революции к преобразованию социальных практик: Материалы XVII Международных чтений памяти Л. С. Выготского. Москва, 14-19 ноября 2016 г. / Под ред. Г. Г. Кравцова: В 2 т. Т. 2. – М.: Левь, 2016. – С. 65-70.
33. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
34. Frankl V. Der Wille zum Sinn: Ausgewahlte Vortrage uber Logotherapie. 3., erw. Aufl. Bern: Huber, 1982. – 344 s.

Medvedev Alexander Mihajlovich

The Russian Presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru

Martirosyan Karine Vardanovna

The Russian Presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: marti-5@mail.ru.ru

Khachatryan Ani Yurikovna

The Russian Presidential academy of national economy and public administration
Volgograd branch, Russia, Volgograd
E-mail: an.khachatryan94@yandex.ru

Chronotope of subjective reality as a basic concept in the study of ethnic self-consciousness. Part 1

Abstract. The article dedicated to substantiate the basic concept, which can serve as a means of designing ethnopsychological research focused on finding ethocultural mediators of construction the ethnic identity by the person and subjective ethocultural world view. Chronotope of subjective reality is regarded as such concept. It is temporal-spatial-meaning organization of the person's subjective world. The choice of chronotope as a basic concept is defined by possibility of using the category thisness: the universal and unique-singular, patrimonial and individual are combined in chronotope organization of subjective reality of the person. Thisness of chronotope allows to research patrimonial in individual, it's of fundamental importance in designing the techniques. The notions of event horizon and dimension are imposed as characteristics of chronotope of subjective reality enabling to define its simplicity or complexity, its involvement in the life of the ethnic group and of the humanity as a whole. Event horizon is defined as a border, separates such reality field which includes person's subjective world, the limits of what about he thinks and worries. Dimension describes existence of relatively independent direction-axis of subjective reality: besides temporal, spatial and motivational, the existence of meaning dimension, which determine person's reflective relation to his own life and to its content, space-time and motivational organization. At the end of the article the bases of organization of actions of the mechanism, of the organism and the person are considered. Justified that person's activity can't be fully represented without temporal-spatial-meaning organization, i.e. without an analysis of the chronotope.

Keywords: subjective reality; cultural mediation; universal; singular; thisness; dominant; chronotope; event horizon; dimension; meaning dimension; reflection; transcendence; individual; personality; mechanism; organism; person; paradigm of research